

Чемакин А. А. Деятельность П. Б. Струве как министра иностранных дел правительства Юга России (1920) / А. А. Чемакин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 362—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377.

Chemakin, A. A. (2020). P. B. Struve's Activities as Minister of Foreign Affairs of the Government of the South of Russia (1920). *Nauchnyi dialog*, 12: 362-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377. (In Russ.).

УДК 94(47)“1920”+929Струве

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. Б. СТРУВЕ КАК МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЮГА РОССИИ (1920)¹

© **Чемакин Антон Александрович (2020)**, <http://orcid.org/0000-0001-6078-4044>, Scopus ID 57194240668, ResearcherID I-6060-2018, SPIN 6686-7066, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), a.chemakin@spbu.ru.

Статья посвящена деятельности П. Б. Струве на посту начальника управления иностранных сношений правительства Юга России весной-осенью 1920 года. Указано, что Струве, став одним из ближайших помощников барона П. Н. Врангеля, проводил «левую политику правыми руками» и сыграл важную роль в признании Крыма французскими властями. Последовательно рассмотрены различные этапы деятельности Струве на его посту, связанные как с пребыванием в Крыму, так и с поездками в Западную Европу. Используя различные источники, в первую очередь материалы прессы и воспоминания современников, автор уточняет некоторые важные аспекты деятельности Струве во главе крымского внешнеполитического ведомства, а также его позицию по польскому и украинскому вопросам. Представлена критика деятельности Струве со стороны национал-большевиков и «пораженцев», выступавших за союз с Польшей против Советской России. По мнению автора статьи, несмотря на то, что взгляды Струве на внешнюю и внутреннюю политику претерпели определенные изменения (в особенности по сравнению с теми заявлениями, которые он делал на рубеже 1919—1920 годов), основа его воззрений оставалась неизменной.

Ключевые слова: П. Б. Струве; П. Н. Врангель; правительство Юга России; управление иностранных сношений; Крым; 1920 год.

1. Введение

Весной 1920 года Петр Бернгардович Струве, известный русский экономист, историк, философ и политический деятель, возглавил управление иностранных сношений белого крымского правительства. Этот период его деятельности достаточно неплохо освещен в трудах Р. Пайпса [Пайпс, 2001, с. 356—373; Pipes, 1963], но стоит отметить, что американский исследователь основное внимание уделял интеллектуальной биографии своего героя, представленной в контексте российских и мировых событий, вследствие чего многие важные детали ускользнули от его внимания, и, к тому же, в момент написания своей книги Пайпс не имел доступа ко

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук № МК-621.2019.6 «“Русская свобода и Великая Россия”: “либерально-консервативная” группа В. В. Шульгина и П. Б. Струве в годы революции и Гражданской войны».

многим источникам. Не отрицая значимости работ Пайпса, мы полагаем необходимым в год 100-летия «врангелиады» уточнить некоторые аспекты работы Струве на посту главы МИДа, а также показать его отношение к «окраинным вопросам». Для решения этой задачи мы обратимся в первую очередь к материалам русской, французской и английской прессы 1920 года, содержащей материалы о передвижениях Петра Бернгардовича Струве по Европе и его комментарии по разным актуальным вопросам (большая часть из этих газет просмотрена нами в Научной библиотеке Государственного архива Российской Федерации [ГАРФ]), а также к воспоминаниям современников, как опубликованным, так и хранящимся в архивах (ГАРФ, Бахметевский архив).

Кроме того, мы попытаемся ответить на вопрос, изменились ли политические взгляды Струве во время его пребывания во врангелевском правительстве? Как впоследствии писал его сын Глеб, «мой отец и был, и считался, и сам считал себя после революции “правым”», но, несмотря на это, «до конца своих дней <...> оставался по существу либералом, хотя и предпочитал называть себя либеральным консерваторм» [Струве Г., 1956]. Таким образом, Глеб Струве полагал, что взгляды его отца в целом оставались неизменными, хотя «внешняя оболочка» могла меняться. Несмотря на это утверждение, при рассмотрении деятельности Петра Струве в крымский период может сложиться впечатление, что в 1920 году он резко повернул влево, признав принцип федерации, прежде им отрицаемый, и пойдя на контакты с украинцами, ранее не рассматриваемыми в качестве возможного партнера.

Перед тем как перейти непосредственно к деятельности Струве на посту руководителя одного из крымских «министерств», необходимо сказать несколько слов о его жизни в предшествующие месяцы, совершенно не освещенной другими исследователями. С начала 1920 года П. Б. Струве находился в Новороссийске, писал статьи в редактируемую им газету «Великая Россия» и продолжал призывать власти белого Юга повернуть политический курс направо, выступая за ужесточение военной диктатуры и даже предлагая восстановление монархии [Чемакин, 2019]. Когда стало ясно, что город долго не продержится, Струве принял решение выехать за границу и 21 февраля (5 марта) 1920 года покинул Новороссийск на пароходе «Саратов». В Константинополь судно прибыло уже 23 февраля (7 марта), но из-за карантина пассажиры смогли сойти на берег лишь несколько дней спустя [НИА, с. 184—187].

Оказавшись в Константинополе, Струве остановился в посольстве в качестве дипломатического курьера, где, согласно воспоминаниям дипломата Г. Н. Михайловского, с ним произошел небольшой инцидент. Через несколько дней после приезда Струве отдал свой паспорт сотруднику посольства Рогальскому для получения европейских виз, и тот обнаружил, что в документе нет ни малейших указаний не только на статус дипломатического курьера, но и вообще на его причастность к правительственным учреждениям. Консул Н. П. Якимов, удостоверившись в правильности сообщенной ему Рогальским информации, предложил Струве покинуть посольство, что тот и вынужден был сделать под угрозой выселения [Михайловский, 1993, с. 551]. Правда, стоит отметить, что вся эта история вызывает опреде-

ленные сомнения, так как у Струве на руках было удостоверение от министерства финансов, в котором говорилось о возложенном на него поручении, а также письмо министра финансов М. В. Бернацкого [ГАРФ, ф. Р-5912, оп. 1, д. 1, л. 1, 3.]. Других подробностей месячного пребывания Струве в Константинополе у нас, к сожалению, нет. Известно лишь, что он изредка по вечерам принимал участие в беседах с П. Н. Врангелем и А. В. Кривошеиным, проходивших за чашкой турецкого кофе в одном из бесчисленных кафе [Врангель, 1928а, с. 302—303]. 21 марта (3 апреля) 1920 года, в день, когда Врангель отправился в Крым принимать власть от ушедшего в отставку А. И. Деникина, Струве в городе отсутствовал. Вернувшись, Струве узнал о произошедших событиях и, по словам Врангеля, «поспешил прибыть в Севастополь, справедливо полагая», что ему «необходимы желающие работать, преданные делу люди». Новый главнокомандующий Вооруженными силами Юга России посчитал, что Струве, «человек большого ума» и «огромной эрудиции», хорошо известный в Европе, может быть ему чрезвычайно полезен в качестве советника [Врангель, 1928б, с. 27]. Приехав в Севастополь 29 марта (11 апреля), Струве был назначен начальником управления иностранных сношений — фактически министром иностранных дел, хотя формально его должность так никогда не называлась.

2. «Левая политика правыми руками»

31 марта (13 апреля) 1920 года Струве писал из Севастополя русскому послу во Франции В. А. Маклакову о том, что в Крыму произошли лишь изменения военного, а не политического характера, и поэтому нельзя говорить о повороте направо, хотя и главнокомандующий, и большинство его сотрудников, в том числе и сам Петр Бернгардович Струве, являются правыми. По мнению Струве, «правая» линия победила лишь после крушения противоположной линии, потерпевшей поражение из-за несостоятельности ее носителей в военной области. Все это привело к тому, что теперь «правые» были гораздо ближе к идее федерации и радикальному разрешению аграрного вопроса, чем были прежде «левые» [К 50-летию ..., 1970, с. 415—416].

В течение апреля 1920 года Струве активно занимался не только иностранными делами, но и вопросами экономического положения Крыма, разработкой планируемых реформ и реорганизацией административно-государственного аппарата. «Я страшно занят, ибо кроме дел управления иностранных сношений мне приходится участвовать в обсуждении и решении других дел, в обстановке, делающей всякую работу весьма трудной, — писал Струве Маклакову 12 (25) апреля. — Но после кошмарных дней Новороссийска здесь все-таки можно жить и дышать» [Там же, с. 420]. Приятель и помощник Петра Бернгардовича А. А. Борман, вызванный в Крым для поступления на дипломатическую службу и выполнения ряда деликатных заданий, вспоминал: «П. Б. Струве не изменился и несколько не был похож на министра. Но в его кабинет все время входили с докладами, и он быстро давал распоряжения и указания. Мои разговоры с ним были исключительно деловые. Только раз, оставшись со мной на короткое время вдвоем, он воскликнул: “Какая судь-

ба России. Если бы Врангель стал главнокомандующим раньше, то, может быть, удалось бы предотвратить катастрофу. Боюсь, что теперь уже поздно. Но пока мы обязаны продолжать”» [Борман, 1970а].

Как сообщала пресса, Струве в это время имел наибольшее влияние на направление политики нового правительства [Мионов, 1920а]. Парижская газета «Последние новости» усматривала в сложившемся положении определенное противоречие: с одной стороны, Врангель опирается на группу, взгляды которой прежде выражала газета «Великая Россия», а его политическим советником является Струве; с другой, окружающие Врангеля лица говорят, что они хотят быть революционерами в социальной области и провести в жизнь демократический земельный закон [П. Б., 1920].

По воспоминаниям князя В. А. Оболенского, именно весной 1920 года он впервые услышал от Струве «формулу о необходимости делать левую политику правыми руками» [Оболенский, 1988, с. 702], позднее получившую широкое распространение. Что же произошло со Струве, всего лишь за полтора месяца до этого стоявшего на твердых правых позициях и призывавшего к укреплению режима военной диктатуры? Конечно, в данном случае можно обвинить его в оппортунизме, но, на наш взгляд, этот оппортунизм был скорее внешним, чем внутренним, сущностным. Еще осенью 1919 года он отмечал, что власть «должна верить в себя» [Струве П., 1919]. Разочаровавшись в А. И. Деникине, Струве, исходивший из исповедуемой им концепции «личной годности» человека [Кара-Мурза, 2012], увидел во Врангеле прирожденного вождя, того самого властителя, который «верит в себя». После этого уже не имело значения, какой курс будет проводиться — «правый» или «левый».

3. Поездка в Западную Европу

Наладив работу центральных структур своего ведомства, Струве отправился в Париж, где находился весь цвет российской дипломатии. 28 апреля (11 мая) 1920 года он выехал на американском миноносце № 127 в Константинополь [Поездка ..., 1920], а оттуда через Бриндизи и Рим в Париж. Прибыв в столицу Франции примерно 11 (24) мая, первые дни Струве вел себя очень осторожно [Мионов, 1920b]. Вступая в должность, он был вынужден пойти на компромисс со старшим русского дипломатического корпуса М. Н. Гирсом, обладавшим значительным политическим весом. «Кондиции», принятые главой МИДа, заключались в том, что Струве лишился права самостоятельного назначения награничные должности, а равно и увольнения с них, чинов дипломатического ведомства без согласия Гирса. Позднее, значительно усилившись, он вполне мог разорвать договоренность, но не сделал этого из стремления «беречь дипломатическое ведомство» [Михайловский, 1993, с. 485—489]. В целом же он был весьма деликатен, умел завоевывать симпатии, и вскоре, по словам Г. Н. Михайловского, «милейший Петр Бернгардович стал кумиром русских парижских дам самого высшего круга» [Там же, с. 508].

14 (27) мая 1920 года состоялось заседание Русской политической делегации, на котором Струве сделал доклад по вопросам внутренней и внешней политики

[П. В., 1920]. В своем докладе он остановился на главнейших этапах деятельности правительства Врангеля, которые, по его мнению, «убеждают в стремлении нового главнокомандующего приложить все силы к возрождению великой свободной России». Струве подчеркнул, что Врангель в своей деятельности опирается на широкие круги народных масс, а также встречает сочувствие среди отдельных национальностей, населяющих Крым [Миронов, 1920с]. Струве также заявлял, что «южно-русская армия не питает широких наступательных планов вглубь России, а желает оградить лишь свое право на существование в местностях, которые она занимает» [Миронов, 1920d]. У Струве даже была идея создать на территории России два «царства» — советское и антибольшевистское. Хотя терроритории их далеко не одинаковы, русский народ будет знать, что есть две России, в одной из которых «ужас большевистского террора», другая же — «прежняя Россия» [Михайловский, 1993, с. 461].

7 (20) июня 1920 года Струве подал французскому министру иностранных дел меморандум с изложением демократической программы крымского правительства. Правда, представители французского МИДа выражали сомнения, что Франция что-то сможет сделать для Крыма, и предлагали попробовать действовать через англичан [Т. Б., 1920]. Несмотря на это, личные переговоры Струве и Маклакова с премьер-министром Франции Александром Мильераном, первая встреча с которыми состоялась еще 26 мая (8 июня) [П. Б. Струве у А. Мильерана, 1920], увенчались успехом. Возможно, не последнюю роль сыграла схожесть жизненных путей Струве и Мильерана (оба они в молодости участвовали в социалистическом движении, но позднее перешли на националистические позиции), а также знакомство с одним из ближайших сотрудников французского премьера Эженом Пети, женатым на русской [К 50-летию ..., 1970, с. 420].

На второй неделе июня (по новому стилю) Струве посетил Лондон, очевидно, надеясь склонить английское общественное мнение на сторону крымского правительства [General ..., 1920]. Там же, в Лондоне, он принял участие в ряде заседаний местных русских организаций [Кулик, 1972]. 3—4 (16—17) июля Струве находился на союзнической конференции в бельгийском городе Спа, созванной для обсуждения вопросов выполнения Германией условий Версальского договора и возможно-го вмешательства в советско-польский конфликт. В Спа он изложил руководителю союзной дипломатии отношение правительства Врангеля к английскому предложению о заключении соглашения с большевиками. Кроме того, он имел продолжительные беседы с польскими представителями. 6 (19) июля Струве вернулся в Париж [Миронов, 1920е].

Еще во время предыдущей встречи Мильеран обещал Струве поговорить с Ллойд Джорджем и испросить для него аудиенцию, но британский премьер категорически отказался вести какие-либо переговоры с представителем Врангеля. «Струве поехал в Спа специально для того, чтобы увидеться там с Ллойд Джорджем и, согласно принятому в Париже решению, готов был пойти на все, чтобы купить себе распоряжение английского премьера, — вспоминал Г. Н. Михайловский. — Он согласился бы даже на совместную конференцию с большевиками по рус-

скому вопросу, если бы это предложил Ллойд Джордж. Но все старания оказались тщетными — Ллойд Джордж до конца конференции так и не увиделся со Струве, к большому огорчению последнего». Придуманный Струве план заключался в том, чтобы помирить французов и англичан с немцами за счет большевиков, но после неудачи с Ллойд Джорджем он не решился вступать в сепаратные переговоры с Германией, побоявшись испортить наладившиеся отношения с французами [Михайловский, 1993, с. 586—587].

Вскоре Струве был повторно принят Мильераном, сообщившим о готовности признать правительство Врангеля де-факто при условии признания долговых обязательств предшествующих русских правительств в доле, соответствующей занимаемой территории, факта перехода земли в руки крестьян и готовности создать народное представительство на демократических основаниях [Врангель, 1928б]. Таким образом, одна из основных задач русской внешней политики была выполнена. Добившись успеха в Париже и не дожидаясь официального оформления признания, которое произойдет 28 июля (10 августа), Струве отправился назад в Крым, по пути посетив Константинополь и Варну. «Струве был на вершине блаженства, хотя, и это делает честь его скромности, он заявил, что заслуга в принятии решения французским правительством принадлежит не столько ему, Струве, сколько Маклакову, — вспоминал Г. Н. Михайловский, видевшийся с Петром Бернгардовичем в Константинополе. — Это была выдающаяся дипломатическая победа, принимая во внимание влиятельное положение Франции в Европе в то время» [Михайловский, 1993, с. 614—615]. 26 июля (8 августа) Струве вернулся в Севастополь на американском миноносце [Возвращение ..., 1920] (по другой версии — на английском [Приезд ..., 1920]). Врангель встретил его на пристани и отвез к себе, Струве в течение шести часов подряд передавал все подробности о французском признании [Михайловский, 1993, с. 617]. «Вопреки нашим опасениям, Струве хорошо справился с задачей. От франц[узского] прав[ительства] он добился большего, чем можно было ожидать. Millerand, перед тем как выступить в Палате, вызвал его и вставил в свою речь часть его мыслей», — записала в июле 1920 года известная общественная деятельница А. В. Тыркова-Вильямс [Наследие ..., 2012, с. 239]. 4 (17) августа 1920 года Врангель своим приказом выразил Струве глубочайшую признательность «за блестящее выполнение возложенных на него поручений» [Благодарность ..., 1920].

4. П. Б. Струве и «самоопределение окраин»

Новый внутри- и внешнеполитический курс, проводимый Струве и Врангелем, встретил оппозицию со стороны некоторых кругов русской эмиграции, увидевших в нем опасность для территориальной целостности России. Бывший последователь Струве, а теперь идеолог новорожденного национал-большевизма Н. В. Устрялов писал ему осенью 1920 года из Харбина: «Насколько можно судить отсюда, курс, избранный Вами, встречает много возражений с национальной точки зрения. <...> Широкий “федерализм”, Вами тактически воспринятый, может принести такие плоды, которые потом Вам не удастся преодолеть. Дружба с агрессивную Поль-

шей, с Румынией царапает национальное чувство. Мне думается, что гражданская война (после Деникина и Колчака) — наименее удачный путь уничтожения большевизма» [Колеров, 2017, с. 382].

Струве не оставил выпады Устрялова без ответа: «...Никаких соглашений во вред России правительство Юга России не заключало. Блюдя в идее интересы и достоинство России, оно только *ничего не предreshало* и, сидя в Крыму, не вело себя и не разговаривало с иностранцами и с окраинами как всероссийское правительство, реально опирающееся на помощь всей России. И я утверждаю, что, не становясь в позу могущественной силы, распоряжающейся всей Россией и, в том числе, ее обособившимися окраинами, оно поступало морально правильно и психологически целесообразно». По словам Струве, правительство стремилось к тому, чтобы уничтожить коммунистически-интернационалистическую советскую власть и спасти государственное ядро, «хозяйственная и духовная деградация которого коммунистическим строем для Единой и Великой России опаснее каких бы то ни было уступок (словесных и реальных) окраинам и иностранцам». «Национал-большевизм» же, по его мнению, этой истины не понимал и впадал в «политический романтизм» [Струве П., 1921]. В отличие от Устрялова, Струве отказался воспринять патриотические лозунги большевиков, выдвинутые ими в 1920 году во время войны с Польшей. По его мнению, они являлись тактической уловкой: «Провозгласив на словах борьбу за отстаивание исконных русских границ в борьбе с Польшей, вожди коммунистов на деле продолжали и продолжают смотреть на русский народ как на пушечное мясо для мировой революции. Наступление на Польшу велось не во имя интересов России, а во славу мировой социальной революции» [Речь ..., 1920].

При этом, конечно, в своих выступлениях глава МИДа постоянно повторял, что новая Россия будет государством федеративным и демократическим. Так, например, на одном из совещаний, организованных русской эмиграцией в Париже, Струве «высказал непоколебимую веру в успех в России демократических идей и выразил уверенность, что демократические идеи в России восторжествуют» [Голос ..., 1920]. Но стоит отметить, что эти заявления делались в первую очередь для зарубежной печати (в том числе и русской эмигрантской). Если же посмотреть на непосредственные действия Струве как главы МИДа, то обвинения Устрялова во многом окажутся несостоятельными. А однажды Струве вполне открыто заявил, что, хотя и видит будущую Россию федерацией, она является «империей в римском или британском смысле», и выразил надежду, что в ее состав войдут все отколовшиеся государства, за исключением Финляндии и Польши [Un entretien ..., 1920]. Правда, теперь он выступал против форсированного объединения бывших частей России силой, считая, что оно произойдет само вследствие единства интересов и экономических потребностей [С., 1920a].

Струве полагал, что советско-польская война — это национальный спор русских с поляками, и поэтому нельзя выигрывать «национальное дело» спасения России от большевиков путем заключения союза с историческими врагами. Исходя из этого, Петр Бернгардович делал вывод, что «национальная Россия» в лице Врангеля может быть только нейтральной, но, так как «нейтралитет» означал бы

поддержку большевиков, нужно вести параллельные военные действия с сохранением полной свободы рук в дальнейшем [Михайловский, 1993, с. 220]. Русский дипломатический представитель в Варшаве Г. Н. Кутепов именно по этой причине остался недоволен своим новым начальником. «Это наивность, заключенная в идеологическую формулу, — сказал Кутепов про Струве. — Я ему говорю про военную и политическую обстановку, требующую союза на бумаге, а он мне возражает с точки зрения идеологии национального чувства» [Там же, с. 511]. По мнению Михайловского, надо было заключить формальный союз с Польшей, который мог бы не допустить эвакуации и вступить в переговоры в Риге совместно с поляками; в итоге Крым бы стал антибольшевистским русским лимитрофом наподобие Латвии, Эстонии, Литвы, Финляндии [Там же, с. 668]. Сам же Струве по польскому вопросу высказывался весьма осторожно. Он, хотя первоначально и заявлял о необходимости «помочь координации русских и польских действий» [П. Б. Струве о своей миссии, 1920], впоследствии добавлял, что отношение возрожденной России к Польше будет целиком зависеть «от отношения элементов, которые в это время будут у власти в Польше» [Des militants ..., 1920]. Годы спустя он писал так о взаимоотношениях Крыма с Польшей: «Хорошо ли или худо, но никакого союза с поляками у Врангеля не было, и я это категорически, за своим подписом, утверждаю...» [Струве П., 1925].

Определенные изменения претерпела его позиция по украинскому вопросу, но она была далека от той, какой ее представлял себе Устрялов. Еще осенью 1919 года в одной из своих статей Струве писал слово «Украина» в кавычках, теперь же он скорректировал свое мнение — по крайней мере, на словах. В конце августа 1920 года Струве принял участие во встрече Врангеля с делегацией от крымских украинских организаций [Украинская делегация..., 1920], а в сентябре — в приеме делегации Украинского национального комитета (УНК) [Украинцы-федералисты, 1920]. УНК, с которым теснее всего общался Струве, заявлял, что «стремление отделиться от России никогда не было изъявлено украинским народом ни путем плебисцита, ни через посредство какого-либо законно избранного украинского представительного органа», и поэтому никто не имеет законного права требовать отделения Украины от России [Украинцы-антисепаратисты, 1920]. Хотя Струве пришлось пойти на некоторые компромиссы (в первую очередь, на признание самой возможности диалога с украинцами), вряд ли можно обвинять его в поддержке каких-либо «самоопределений» и «самостоятельности», как это делал Устрялов, — скорее уж можно усмотреть в действиях Струве «великодержавный» догматизм и отсутствие той гибкости, которая отдельным его современникам представлялась спасительной.

5. Окончание дипломатической работы П. Б. Струве

Во время двухмесячного пребывания в Севастополе Струве проявлял заметную публичную активность, выступая на различных собраниях. Так, например, 16 (29) августа он произнес речь на Народном собрании, организованном Внепартийным совещанием, в севастопольском театре «Ренессанс»: «Впервые за все время

существования правительства Добровольческой армии глава ведомства иностранных дел делал доклад в публичном собрании. Театр “Ренессанс” был переполнен. Стояли, сидели в проходах, на ступеньках, толпились в дверях. Собрались люди, искавшие не развлечения, а разъяснения событий, серьезность которых сознается всеми, кто сейчас цепляется за последний клочок свободной русской земли. Искали даже не разъяснения, а просто живое слово успокоения от лица, руководящего нашими иностранными сношениями и близко прикоснувшегося к западноевропейским руководящим политическим кругам» [С., 1920b].

17 (30) сентября 1920 года Струве, на которого была возложена миссия по упрочению дружественных связей между Францией и Югом России, покинул Севастополь на французском авизо (посыльном корабле) «Тулъ» [Отъезд ..., 1920]. Задержавшись по дороге на несколько дней в Константинополе, он прибыл в Париж 28 сентября (11 октября) [Un entretien ..., 1920]. На протяжении октября 1920 года Струве постоянно встречался с представителями французских властей. Так, например, он посетил премьер-министра Франции Жоржа Лейга, выразив французскому правительству от имени Врангеля и правительства Юга России благодарность за моральную и материальную поддержку [П. Б. Струве у Лейга, 1920]. Затем он был принят президентом Франции. Во время продолжительной беседы Струве ознакомил А. Мильерана, только что занявшего президентский пост, с военным, политическим и экономическим положением Юга России и выяснил, что его взгляды и взгляды главы французского государства по наиболее важным вопросам совпадают. Как отмечала пресса, «прием носил чрезвычайно сердечный характер», «г. Мильеран вынес прекрасное впечатление из состоявшегося свидания», которое «еще более укрепило нынешние дружеские отношения между Францией и Россией» [П. Б. Струве у президента ..., 1920]. Еще через несколько дней Струве провел переговоры с министром финансов Франсуа Марселем [П. Б. Струве у Ф. Марсала, 1920].

Струве активно занимался решением различных экономических и политических вопросов, связанных с поддержкой Крыма, не зная еще, что судьба Русской армии предрешена. Заключение польско-советского перемирия позволило большевикам перебросить свои войска на Юг для решающего наступления. И летом, и осенью Струве прилагал все силы к тому, чтобы доказать прочность положения Врангеля в Крыму, и по этому поводу даже подшучивали, что министр иностранных дел «побивает все рекорды казенного оптимизма» [Михайловский, 1993, с. 588]. Именно поэтому в ноябре 1920 года он был шокирован произошедшей крымской эвакуацией, о подготовке которой его не известили [Там же, с. 674]. А. А. Борман вспоминал: «Известие о катастрофе пришло как-то неожиданно. Мы — моя мать, отчим и я сидели у Александры Васильевны Гольштейн на рю де ля Тур в Пасси, когда пришел Струве и сказал, что в посольстве получено сообщение об эвакуации Крыма войсками Врангеля. В течение некоторого времени мы сидели молча, не обмениваясь друг с другом никакими соображениями. Потом начался тихий разговор о происшедшем. Было очень тяжело» [Борман, 1970b].

Почти все усилия Струве на дипломатическом поприще оказались напрасными, проекты экономических и политических соглашений, над заключением кото-

рых он работал, больше никому не были нужны. По большому счету, единственным итогом его работы в МИДе было получение французского признания, имевшего теперь, осенью 1920 года, уже не политическое, а исключительно гуманитарное значение. Масштабная эвакуация, осуществленная Врангелем, была облегчена тем, что Франция признала крымское правительство и предоставила ему необходимый тоннаж, пусть и на достаточно обременительных условиях [К 50-летию ..., с. 422]. «Без преувеличения можно сказать, что только благодаря ему (признанию. — А. Ч.) могла совершиться под защитой французского флага эвакуация из Крыма — и многочисленные беженцы обязаны спасением своей жизни не только доблестному нашему флоту, но и большому дипломатическому успеху Струве», — писал его биограф В. Х. Даватц четырнадцать лет спустя [Даватц, 1934, с. 13].

Следующие полтора месяца Струве прожил в Париже, формально оставаясь на своем посту, но отказ французов признавать официальный статус Врангеля и Русской армии после оставления Крыма фактически превратил его из министра иностранных дел в человека, занимающегося вопросами изыскания средств для новой волны русских беженцев. 10 (23) декабря 1920 года он прибыл в Константинополь [Чебышев, 1932, с. 5], а несколько недель спустя, 6 (19) января 1921 года, подал в отставку. Несмотря на разногласия с Врангелем, вызвавшие эту отставку, Струве отметил в письме к главнокомандующему, что «работа в качестве Вашего ближайшего помощника останется всегда драгоценным для меня воспоминанием» [К 50-летию ..., 1970, с. 426]. Незадолго до этого на совещании в Константинополе было принято решение о возобновлении издания журнала «Русская мысль» [Чебышев, 1936], и Струве, пробыв чуть менее года на государственной службе, вернулся к своим прежним занятиям — публицистике и научной деятельности.

6. Заключение

Пост начальника управления иностранных сношений правительства Юга России стал вершиной административной карьеры Петра Бернгардовича Струве. Несмотря на свою репутацию «кабинетного ученого», к тому же чрезвычайно рассеянного [ГАРФ, ф. 10230, оп. 2, д. 34, л. 222], Струве к удивлению многих современников весьма успешно действовал на ответственной должности, успевая и перемещаться из одной европейской столицы в другую, и заниматься реформами в Крыму, и давать отчет населению о внешнеполитической обстановке и действиях его ведомства. Благодаря своей всеевропейской известности и старым связям с французской политической элитой он смог добиться признания врангелевского Крыма со стороны Франции, обеспечившего впоследствии относительно безболезненную эвакуацию армии и беженцев с полуострова. При этом, став государственным служащим, Струве был вынужден до известной степени смягчить правоконсервативную риторику предыдущих месяцев и из тактических соображений усилить «демократическую» составляющую своих воззрений, выступив за федеративное устройство будущей России и немного скорректировав отношение к украинской проблеме. Впрочем, изменения эти касались лишь некоторых частных вопросов, в остальном же взгляды Петра Бернгардовича были неизменными,

и он, как и прежде, оставался сторонником идеи «Великой России», осуществление которой невозможно без экономической и культурной свободы. Другое дело, что это восстановление «Великой России» должно было теперь идти не сверху, а снизу, путем соглашения между ее осколками. Не вдаваясь в оценку правильности или ошибочности действий Струве на «министерском» посту, мы полагаем несправедливой критику в его адрес со стороны национал-большевиков, полагавших, что крымские власти стали заигрывать с «самостийниками» и таким образом приняли участие в расчленении России. В этом вопросе намного ближе к истине оказались «пораженцы», считавшие, что Струве, оставаясь «великодержавником», не готов был идти на серьезные компромиссы с поляками и украинцами и ограничился лишь частичным изменением риторики.

Источники и принятые сокращения

1. *Благодарность* академ. П. Б. Струве // Юг России : газета. — 1920. — № 108 (301). — С. 2.
2. *Борман А.* Константинополь — Лондон — Финляндия / А. Борман // Новое русское слово : газета. — 1970b. — № 21918. — С. 4.
3. *Борман А.* Новороссийск — Константинополь — Крым. Отрывки из воспоминаний / А. Борман // Новое русское слово : газета. — 1970a. — № 21805. — С. 2.
4. *В. Б. П. Б. Струве у президента Республики / В. Б. // Последние новости : газета. — 1920. — № 155. — С. 1.*
5. *Возвращение* П. Б. Струве // Юг России : газета. — 1920. — № 100 (293). — С. 2.
6. *Врангель П. Н.* Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.) / П. Н. Врангель // Белое дело : летопись Белой борьбы. — Берлин : Медный всадник, 1928a. — Том 5. — С. 9—306.
7. *Врангель П. Н.* Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.) / П. Н. Врангель // Белое дело : летопись Белой борьбы. — Берлин : Медный всадник, 1928b. — Том 6. — С. 5—242.
8. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 10230 (Тыркова-Вильямс А. В., Борман А. А.). Оп. 2. Д. 34. Л. 222.
9. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-5912 (Струве П. Б.). Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 3.
10. *Голос антибольшевистской России: совещание в Париже* // Юг России : газета. — 1920. — № 94 (287). — С. 1.
11. *Даватц В.* Правда о Струве : опыт одной биографии / В. Даватц. — Белград : Издание Н. З. Рыбинского, 1934. — 16 с.
12. *К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России: неизданные документы из архивов П. Б. Струве* / публ. Г. П. Струве // Мосты. — 1970. — № 15. — С. 413—427.
13. *Кулик И.* О дискуссии Г. П. Струве и А. Бормана / И. Кулик // Новое русское слово : газета. — 1972. — № 22697. — С. 4.
14. *Миронов М.* В политических кругах / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920a. — № 13. — С. 2.
15. *Миронов М.* В политических кругах / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920b. — № 25. — С. 2.
16. *Миронов М.* В политических кругах / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920d. — № 66. — С. 2.
17. *Миронов М.* В политических кругах: заседание политической делегации / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920c. — № 29. — С. 2.
18. *Миронов М.* Возвращение П. Б. Струве из Спа / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920e. — № 72. — С. 1.

19. Михайловский Г. Н. Записки: из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920 / Г. Н. Михайловский. — Москва : Международные отношения, 1993. — Книга 2. Октябрь 1917 г. — ноябрь 1920 г. — 688 с.
20. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники / В. А. Оболенский. — Париж : YMCA-Press, 1988. — 753 с.
21. *Отъезд* П. Б. Струве // Юг России : газета. — 1920. — № 136 (331). — С. 2.
22. П. Б. В политических кругах. Ген. Врангель / П. Б. // Последние новости : газета. — 1920. — № 18. — С. 3.
23. П. Б. Струве о своей миссии // Юг России : газета. — 1920. — № 61 (254). — С. 2.
24. П. Б. Струве у А. Мильерана // Общее дело : газета. — 1920. — № 74. — С. 3.
25. П. Б. Струве у Лейга // Общее дело : газета. — 1920. — № 99. — С. 1.
26. П. Б. Струве у президента Республики // Общее дело : газета. — 1920. — № 100. — С. 1.
27. П. Б. Струве у Ф. Марсалья // Последние новости : газета. — 1920. — № 156. — С. 1.
28. П. В. Доклад П. Б. Струве / П. В. // Последние новости : газета. — 1920. — № 28. — С. 2.
29. *Поездка* П. Б. Струве // Юг России : газета. — 1920. — № 25 (218). — С. 2.
30. *Приезд* П. Б. Струве // Южные ведомости : газета. — 1920. — Экстренный выпуск. — С. 1.
31. *Речь* П. Б. Струве // Военный голос : газета. — 1920. — № 110. — С. 4.
32. С. Внутренняя и внешняя политика ген. Врангеля / С. // Общее дело : газета. — 1920а. — № 77. — С. 2.
33. С. Народное собрание : доклад П. Б. Струве / С. // Великая Россия : газета. — 1920б. — № 90 (502). — С. 2.
34. *Струве Г.* Письмо в редакцию / Г. Струве // Новое русское слово : газета. — 1956. — № 15803. — С. 4.
35. *Струве П.* Власть должна верить в себя / П. Струве // Великая Россия : газета. — 1919. — № 332. — С. 1.
36. *Струве П.* Дневник политика: 15. О разных видах полемики и о том, над чем кое-кому стоит задуматься / П. Струве // Возрождение : газета. — 1925. — № 63. — С. 1.
37. *Струве П.* По существу / П. Струве // Руль : газета. — 1921. — Том 6, № 200. — С. 1.
38. Т. Б. Предложения П. Б. Струве (беседа с представителем французского мин. ин. дел) / Т. Б. // Последние новости : газета. — 1920. — № 66. — С. 2.
39. *Тыркова А. В.* Наследие Ариадны Владимировны Тырковой : дневники, письма / А. В. Тыркова. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 1110 с.
40. *Украинская делегация у главнокомандующего* // Юг России : газета. — 1920. — № 127 (320). — С. 2.
41. *Украинцы-антисепаратисты* // Общее дело : газета. — 1920. — № 78. — С. 2.
42. *Украинцы-федералисты* // Юг России : газета. — 1920. — № 132 (327). — С. 2.
43. *Чебышев Н.* Близкая даль. Святки в Константинополе / Н. Чебышев // Возрождение : газета. — 1932. — № 2412. — С. 3, 5.
44. *Чебышев Н.* Из записной книжки : отрывки. 1921 год / Н. Чебышев // Возрождение : газета. — 1936. — № 3951. — С. 2.
45. *Des militants de la politique russe qui se trouvent a Paris croient que la chute du régime bolchevik est prochaine et nous dissent pourquoi* // Excelsior : quotidien. — 1920. — № 3598. — P. 2.
46. *General Wrangel's Policy. Programme of Peace. No Surrender to Soviet* // The Times : newspaper. — 1920. — № 42459. — P. 11.
47. HIA — Hoover Institution Archives. F. P. Rerberg memoires. Рерберг Ф. П. Исторические загадки в Революции в России (воспоминания).
48. *Un entretien avec M. Strouvé, ministre des Affaires étrangères du gouvernement Wrangel* // Le Petit Parisien : quotidien. — 1920. — № 15933. — P. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кара-Мурза А. А.* П. Б. Струве и развитие им концепции «личной годности» / А. А. Кара-Мурза // Петр Бернгардович Струве / под ред. О. А. Жуковой, В. К. Кантора. — Москва : РОССПЭН, 2012. — С. 130—170.
2. *Колеров М. А.* Первая формула национал-большевизма: письмо Н. В. Устрялова к П. Б. Струве (1920) / М. А. Колеров // Устрялов Н. В. Национал-большевизм: избранные статьи 1920—1927 гг. — Москва : Циолковский, 2017. — С. 380—383.
3. *Пайнс Р.* Струве: правый либерал, 1905—1944 / Р. Пайнс. — Москва : Московская школа политических исследований, 2001. — Том 2. — 680 с.
4. *Чемакин А. А.* П. Б. Струве на белом Юге России осенью 1919 — зимой 1920 г. (к 100-летию «Размышлений о русской революции») / А. А. Чемакин // Вопросы истории. — 2019. — № 12-1. — С. 252—265.
5. *Pipes R.* Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée, 1920 / R. Pipes // Cahiers du monde russe et soviétique. — 1963. — Vol. 4, № 4. — P. 401—435.

P. B. STRUVE'S ACTIVITIES AS MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS OF THE GOVERNMENT OF THE SOUTH OF RUSSIA (1920)¹

© Anton A. Chemakin (2020), <http://orcid.org/0000-0001-6078-4044>, Scopus ID 57194240668, ResearcherID I-6060-2018, SPIN 6686-7066, PhD in History, Senior Lecturer, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), a.chemakin@spbu.ru.

The article is devoted to the activities of P. B. Struve as head of the foreign relations department of the government of the South of Russia in the spring and autumn of 1920. It is indicated that Struve, having become one of the closest assistance of Baron P. N. Wrangel, pursued a "leftist policy with his right hands" and played an important role in the recognition of the Crimea by the French authorities. Various stages of Struve's activity in his post, connected both with his stay in the Crimea and with trips to Western Europe, are consistently considered. Using various sources, primarily press materials and memoirs of contemporaries, the author clarifies some important aspects of Struve's activities at the head of the Crimean Foreign Ministry, as well as his position on Polish and Ukrainian issues. Criticism of Struve's activities by the National Bolsheviks and "defeatists" who advocated an alliance with Poland against Soviet Russia is presented. According to the author of the article, despite the fact that Struve's views on foreign and domestic policy have undergone certain changes (especially in comparison with the statements he made at the turn of 1919-1920), the basis of his views remained unchanged.

Key words: P. B. Struve; P. N. Wrangel; the government of the South of Russia; Department of Foreign Relations; Crimea; 1920 year.

MATERIAL RESOURCES

- Blagodarnost' akadem. P. B. Struve [Gratitude to academic. P. B. Struve] (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 108 (301): 2. (In Russ.).
- Borman, A. (1970a). Novorossiysk — Konstantinopol — Krym. Otryvki iz vospominaniy [Novorossiysk — Constantinople — Crimea: excerpts from memoirs]. *Novoye russkoye slovo: gazeta* [New Russian word: newspaper], 21805: 2. (In Russ.).

1 The study was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-candidates of sciences No. MK-621.2019.6 "Russian freedom and Great Russia": the "liberal-conservative" group of V. V. Shulgina and P. B. Struve during the revolution and the Civil War".

- Borman, A. (1970b). Konstantinopol' — London — Finlyandiya [Constantinople — London — Finland]. *Novoye russkoye slovo: gazeta* [New Russian word: newspaper], 21918: 4. (In Russ.).
- C. (1920a). Vnutrennyaya i vneshnyaya politika gen. Vrangelya [National Assembly: Report by P. B. Struve]. *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 77: 2. (In Russ.).
- Chebyshev, N. (1932). Blizkaya dal'. Svyatki v Konstantinopole [Close distance. Christmastide in Constantinople]. *Vozrozhdeniye: gazeta* [Renaissance: newspaper], 2412: 3, 5. (In Russ.).
- Chebyshev, N. (1936). Iz zapisnoy knizhki: otryvki. 1921 god [From a notebook: excerpts. 1921 year]. *Vozrozhdeniye: gazeta* [Renaissance: newspaper], 3951: 2. (In Russ.).
- Davatts, V. (1934). *Pravda o Struve: opyt odnoy biografii* [The truth about Struve: the experience of one biography]. Belgrad: Izdaniye N. Z. Rybinskogo. 16 p. (In Russ.).
- Des militants de la politique russe qui se trouvent a Paris croient que la chute du régime bolchevik est prochaine et nous dissent pourquoi. (1920). *Excelsior: quotidien*, 3598: 2. (In Fran.).
- GARF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. 10230 (Tyrkova-Vil'yams A. V., Borman A. A.). Op. 2. D. 34. L. 222. (In Russ.).
- GARF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5912 (Struve P. B.). Op. 1. D. 1. L. 1, 3. (In Russ.).
- General Wrangel's Policy. Programme of Peace. No Surrender to Soviet. (1920). *The Times: newspaper*; 42459: 11.
- Golos antibolshevistskoy Rossii: soveshchaniye v Parizhe [The Voice of Anti-Bolshevik Russia: Meeting in Paris]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 94 (287): 1. (In Russ.).
- HIA — Hoover Institution Archives. F. P. Rerberg memoires. Rerberg F. P. Istoricheskiye zagadki v Revolyutsii v Rossii (vospominaniya).
- Kulik, I. (1972). O diskussii G. P. Struve i A. Bormana [On the discussion of G. P. Struve and A. Bormann]. *Novoye russkoye slovo: gazeta* [New Russian word: newspaper], 22697: 4. (In Russ.).
- Mikhaylovskiy, G. N. (1993). *Zapiski. Iz istorii rossiyskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva. 1914—1920, 2. Oktyabr' 1917 g. — noyabr' 1920 g.* [Notes. From the history of the Russian foreign policy department. 1914—1920, 2. October 1917—November 1920]. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 688 p. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920a). V politicheskikh krugakh [In political circles]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 13: 2. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920b). V politicheskikh krugakh [In political circles]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 25: 2. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920c). V politicheskikh krugakh: zasedaniye politicheskoy delegatsii [In political circles: meeting of a political delegation]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 29: 2. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920d). V politicheskikh krugakh [In political circles]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 66: 2. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920e). Vozvrashcheniye P. B. Struve iz Spa [Return of P. B. Struve from Spa]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 72: 1. (In Russ.).
- Obolenskiy, V. A. (1988). *Moya zhizn'. Moi sovremenniki* [My life. My contemporaries]. Parizh: YMCA-Press. 753 p. (In Russ.).
- Otyezd P. B. Struve [Departure of P. B. Struve]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 136 (331): 2. (In Russ.).
- P. B. Struve o svoey missii [P. B. Struve about his mission]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 61 (254): 2. (In Russ.).

- P. B. Struve u A. Milyerana [P. B. Struve at A. Millerand]. (1920). *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 74: 3. (In Russ.).
- P. B. Struve u F. Marsalya [P. B. Struve at F. Marsal]. (1920). *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 156: 1. (In Russ.).
- P. B. Struve u Leyga [P. B. Struve at Leig]. (1920). *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 99: 1. (In Russ.).
- P. B. Struve u prezidenta Respubliki [P. B. Struve at the President of the Republic]. (1920). *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 100: 1. (In Russ.).
- P. B. (1920). V politicheskikh krugakh. Gen. Wrangel [In political circles. Gen. Wrangel]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 18: 3. (In Russ.).
- P. V. (1920). Doklad P. B. Struve [Report by P. B. Struve]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 28: 2. (In Russ.).
- Poezdka P. B. Struve [P. B. Struve's trip]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 25 (218): 2. (In Russ.).
- Priezd P. B. Struve [Arrival of P. B. Struve]. (1920). *Yuzhnyye vedomosti: gazeta* [Yuzhnyye vedomosti: newspaper], *Ekstrennyy vypusk*: 1. (In Russ.).
- Rech' P. B. Struve [P. B. Struve's speech]. (1920). *Voennyi golos: gazeta* [Military voice: newspaper], 110: 4. (In Russ.).
- S. (1920b). Narodnoye sobraniye: doklad P. B. Struve [Domestic and foreign policy of gen. Wrangel]. *Velikaya Rossiya: gazeta* [Common cause: newspaper], 90 (502): 2. (In Russ.).
- Struve, G. (1956). Pismo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Novoye russkoye slovo: gazeta* [New Russian word: newspaper], 15803: 4. (In Russ.).
- Struve, G. P. (ed.). (1970) K 50-letiyu okonchaniya grazhdanskoy voyny na Yuge Rossii: neizdannyye dokumenty iz arkhivov P. B. Struve [On the 50th Anniversary of the End of the Civil War in the South of Russia: Unpublished Documents from the Archives of P. B. Struve]. *Mosty* [Bridges], 15: 413—427. (In Russ.).
- Struve, P. (1919). Vlast' dolzhna verit' v sebya [Power must believe in itself]. *Velikaya Rossiya: gazeta* [Great Russia: newspaper], 332: 1. (In Russ.).
- Struve, P. (1921). Po sushchestvu [Essentially]. *Rul': gazeta* [Steering wheel: newspaper], 6/200: 1. (In Russ.).
- Struve, P. (1925). Dnevnik politika: 15. O raznykh vidakh polemiki i o tom, nad chem koe-komu stoit zadumat'sya [Politician's diary: 15. On different types of controversy and about what some people should think about]. *Vozrozhdeniye: gazeta* [Renaissance: newspaper], 63: 1. (In Russ.).
- T. B. (1920). Predlozheniya P. B. Struve (beseda s predstavitelem frantsuzskogo min. in. del) [P. B. Struve's proposals (conversation with a representative of the French Ministry of Foreign Affairs)]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 66: 2. (In Russ.).
- Tyrkova, A. V. (2012). *Naslediye Ariadny Vladimirovny Tyrkovoy: dnevnik, pisma* [The legacy of Ariadna Vladimirovna Tyrkova: diaries, letter]. Moskva: ROSSPEN. 1110 p. (In Russ.).
- Ukrainskaya delegatsiya u glavnokomanduyushchego [Ukrainian delegation at the commander-in-chief]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 127 (320): 2. (In Russ.).
- Ukraintsy-antiseparatisty [Anti-separatist Ukrainians]. (1920). *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 78: 2. (In Russ.).
- Ukraintsy-federalisty [Ukrainians-federalists]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 132 (327): 2. (In Russ.).

- Un entretien avec M. Strouvé, ministre des Affaires étrangères du gouvernement Wrangel. (1920). *Le Petit Parisien: quotidien, 15933*: 1. (In Fran).
- V. B. P. B. Struve u prezidenta Respubliki [P. B. Struve at the President of the Republic] (1920). *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 155: 1. (In Russ.).
- Vozvrashchenie P. B. Struve [The return of P. B. Struve] (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 100 (293): 2. (In Russ.).
- Vrangel, P. N. (1928a). Zapiski (noyabr' 1916 g. — noyabr' 1920 g.) [Notes (November 1916 — November 1920)]. *Beloye delo: letopis' Beloy borby* [White matter: the chronicle of the White struggle], 5. Berlin: Mednyy vsadnik. 9—306. (In Russ.).
- Vrangel, P. N. (1928b). Zapiski (noyabr' 1916 g. — noyabr' 1920 g.) [Notes (November 1916 — November 1920)]. *Beloye delo: letopis' Beloy borby* [White matter: the chronicle of the White struggle], 6. Berlin: Mednyy vsadnik. 5—242. (In Russ.).

REFERENCES

- Chemakin, A. A. (2019). P. B. Struve na belom Yuge Rossii osen'yu 1919 — zimoy 1920 g. (k 100-letiyu «Razmyshleniy o russkoy revolyutsii») [P. B. Struve in the White South of Russia in the fall of 1919 — in the winter of 1920 (to the 100th anniversary of «Reflections on the Russian Revolution»)]. *Voprosy istorii* [History questions], 12/1: 252—265. (In Russ.).
- Kara-Murza, A. A. (2012). P. B. Struve i razvitie im kontseptsii «lichnoy godnosti» [P. B. Struve and his development of the concept of «personal fitness»]. In: Zhukova, O. A., Kantor, V. K. (eds.). *Petr Bergardovich Struve* [Peter Bergardovich Struve]. Moskva: ROSSPEN. 130—170. (In Russ.).
- Kolerov, M. A. (2017). Pervaya formula natsional-bolshevizma: pis'mo N. V. Ustryalova k P. B. Struve (1920) [The first formula of National Bolshevism: a letter from N. V. Ustryalov to P. B. Struve (1920)]. In: Ustryalov, N. V. *Natsional-bolshevizm. Izbrannye stat'i 1920—1927 gg.* [National Bolshevism: Selected Articles 1920—1927.]. Moskva: Tsiolkovskiy. 380—383. (In Russ.).
- Payps, R. (2001). *Struve: pravyy liberal, 1905—1944* [Struve: Right Liberal, 1905—1944], 2. Moskva: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 680 p. (In Russ.).
- Pipes, R. (1963). Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée, 1920. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 4/4: 401—435. (In Franch).